

A photograph of three elderly women sitting at a wooden desk in a library. The woman on the left is looking down at papers. The woman in the middle is holding a pen and looking towards the woman on the right. The woman on the right is looking towards the camera. The background shows bookshelves filled with books and framed portraits on the wall. A window on the right shows greenery outside.

Петр Сойфер

Спиритический сеанс

Петр Сойфер

Спиритический сеанс

<https://litres.ru/74019366>

SelfPub; 2026

Аннотация

Блэквуд-он-Си — маленький йоркширский городок на краю болота. Нотариус Гарри Мортимер ведёт спиритические сеансы в старом портовом складе: он ищет способ поговорить с умершей женой. На его объявление откликаются три пожилые женщины — и каждая смотрит не на доску, а на полку с архивными папками.

Блюдец пишет: NEEDLE. Запах солончаков появляется в закрытой комнате. Сара Хилл исчезает. На зеркале — нарисованная игла.

Сорок лет назад в подвале этого здания три женщины убили серийного убийцу и замуровали тело. Они спасли город — и уничтожили невинного человека. Теперь сын убитого вернулся с дневниками отца. Он не хочет крови. Он хочет, чтобы они сказали правду вслух.

Психологический триллер о том, что бывает, когда справедливость и закон смотрят в разные стороны — и о цене молчания, которое длилось слишком долго.

Петр Со́йфер

Спиритический сеанс

Доктор Пётр Со́йфер
СПИРИТИЧЕСКИЙ СЕАНС

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АРХИТЕКТУРА СКОРБИ

Глава 1. Там, где стоит туман

В субботу утром Гарри проснулся раньше обычного — не от звука, просто открыл глаза в темноте и сразу понял, что больше не заснёт.

Это было его утреннее занятие — стоять вот так, с кружкой в руке, и смотреть, как туман лежит над нижним городом, над крышами складов, над тёмной полосой воды, неотличимой в такую погоду от неба. Кофе он не чувствовал — просто держал кружку, потому что руки должны быть чем-то заняты, иначе они начинают искать то, чего давно нет.

Элеонора умерла в феврале. Семь месяцев назад — или семь месяцев и четыре дня, он не считал, он просто знал это,

как знал номера параграфов земельного кодекса и сроки исковой давности: без усилия, как вещь, которая однажды вошла в тебя и осталась.

Контора просыпалась медленно. Снизу, из архива, доносился негромкий механический звук — это старый обогреватель щёлкал и гудел, прогревая помещение, где вдоль стен стояли стеллажи с папками, датированными с шестьдесят третьего года по нынешний день: завещания, дарственные, земельные сделки, доверенности — вся тихая бухгалтерия человеческих жизней, аккуратно расставленная по годам. Гарри иногда думал, что если бы архив сгорел, Блэквуд-он-Си потерял бы что-то важное — не документы, а память о том, что здесь жили, покупали, умирали, передавали детям и снова умирали поколение за поколением, и всё это лежало здесь, подшитое и заверенное.

Он поставил кружку на подоконник.

За окном туман немного сдвинулся — не рассеялся, просто переместился, открыв на секунду тёмный силуэт причала и сразу же закрыв его снова, как будто показал и передумал. Море было там — Гарри знал это, но не видел, только слышал: низкий, ровный, никогда не останавливающийся гул, который жил в стенах этого здания так же давно, как само здание.

Бывший портовый склад. Построен в тысяча восемьсот девяносто первом году, если верить документам, которые он сам же и хранил. Кирпич тёмно-коричневый, почти чёрный

от соли и времени. Потолки высокие — слишком высокие для нотариальной конторы, так что верхняя часть комнаты всегда была немного лишней, немного пустой, немного холодной — пространство там не знало, чем себя занять. Элеонора говорила, что это здание дышит. Говорила это без мистики, просто как факт: зимой оно сжимается, летом расширяется, и если прислушаться ночью, можно услышать, как оно скрипит — медленно, глубоко, изнутри.

Гарри прислушался.

Здание скрипело.

Он взял со стола блокнот — обычный, в твёрдой обложке, — открыл на первой чистой странице. Написал дату. Подержал ручку над бумагой секунды три. Закрыл блокнот и убрал его обратно.

Тридцать лет в профессии, где от формулировки зависела юридическая сила документа, воспитали в нём привычку думать словами чёткими, однозначными, не допускающими толкований. А сейчас слов не было. Было только это: туман за окном, скрип здания, кружка с остывшим кофе и ощущение, что что-то нужно сделать, но он не понимает что.

Элеонора увлеклась этим за два года до смерти.

Сначала он не придавал этому значения — решил, что это очередное увлечение, как акварели, которые она бросила через три месяца, или итальянский, который так и не был закончен. Но это оказалось другим. Она читала много и се-

рьёзно — не беллетристику, а Блаватскую, Штайнера, старые протоколы Общества психических исследований, которые выписывала из лондонских букинистов и которые приходили в бурых конвертах, пахнущих чужими библиотеками. Она делала заметки на полях — мелким, аккуратным почерком, который Гарри всегда любил и который теперь был везде: на страницах книг, на стикерах в кухонном шкафу, на обороте старых квитанций, которые он до сих пор находил в карманах пальто.

Потом появился кружок.

Собирались раз в две недели — у миссис Олдхэм на Черч-стрит, женщины примерно одного с Элеонорой возраста, вдовы в основном, хотя не все. Элеонора никогда не называла это спиритическим сеансом — говорила «встреча», говорила «мы практикуем», говорила «это скорее медитация». Гарри не возражал и не иронизировал — он был достаточно умён, чтобы понимать: когда человек искренне ищет что-то, высмеивать направление поиска значит высмеивать саму потребность. А потребность у Элеоноры была настоящей, он это видел — в том, как она возвращалась с этих встреч: тихая, немного отстранённая, как человек, который только что был где-то далеко и ещё не вернулся до конца.

Однажды она попросила его прийти.

— Просто посмотри, — сказала она. — Не надо ни во что верить. Просто посмотри.

Он пришёл. Один раз, потом ещё раз, потом ещё — не по-

тому что убеждался, а потому что она просила и потому что в комнате у миссис Олдхэм было что-то такое, что он не мог объяснить себе в юридических терминах, а других терминов у него не было. Блюдце двигалось — он видел это своими глазами, сидя в двух метрах и не касаясь стола. Женщины плакали — не театрально, а тихо, как плачут, когда получают то, чего давно ждали. Элеонора держала его за руку и смотрела на доску с таким выражением, с каким смотрят на письмо от человека, которого считали потерянным.

Он так и не понял, верит ли он в это. Но понял другое: она верила, а значит, где-то в этом была правда, которую он не мог нотариально заверить и не мог опровергнуть. И если существовал хоть один способ задать ей вопрос — неважно какой, неважно как, — он был обязан попробовать. Не как мистик. Как муж, который не успел спросить кое-что важное.

Реально так же, как реальны были боли в её спине, диагноз в октябре, и то, как за четыре месяца она стала меньше и тише, пока в феврале не перестала дышать — в три часа ночи, держа его за руку с той же спокойной уверенностью, с которой держала её у миссис Олдхэм.

После похорон он вернулся в контору и попытался работать.

Три месяца он работал — исправно, методично, как хорошо настроенная машина, которая не знает, что делать с тишиной в механизме. А потом однажды вечером, в пятницу, достал из шкафа старую деревянную доску с буквами —

Элеонора купила её где-то, он не помнил где, — поставил на чертёжный стол, который всё ещё стоял в комнате на втором этаже, и долго смотрел на неё в темноте, не зажигая света.

Объявление о кружке он повесил в «Якоре» и в аптеке. Формулировка была нейтральной — «встречи для тех, кто потерял близких» — потому что Блэквуд был маленьким городом, где церковь Святого Михаила стояла на главной улице и священник знал всех по имени. Гарри не нуждался в скандале. Он нуждался в четырёх руках на доске и в тишине, достаточно глубокой, чтобы услышать то, чего, возможно, нет.

Марджори Кертис позвонила на следующий день после того, как он повесил объявление.

Три месяца назад его попросили об одной странной услуге.

Марджори Кертис — вдова, клиентка конторы с восемьдесят девятого года, автор трёх последовательных завещаний, каждое чуть более аккуратно составленное, чем предыдущее, — пришла к нему не по делу. Просто зашла, села напротив, сложила руки на коленях и сказала, что они с подругами хотели бы арендовать комнату. Для собраний. Небольшую, закрытую. Желательно вечером по пятницам.

— Для каких собраний? — спросил он.

Марджори посмотрела на него с той особой мягкостью, которая у очень воспитанных людей заменяет уклончивость.

— Для разговоров, — сказала она. — С теми, кого уже нет.

Гарри тогда решил, что речь идёт о молитвенном кружке. Или о чём-то вроде того — он не вдавался в подробности, потому что в тот момент ему это казалось неважным. Он сдал им комнату на втором этаже — ту самую, где Элеонора однажды поставила старый чертёжный стол, который не влезал больше никуда, и который с тех пор так там и стоял, потому что никто не удосужился его вынести.

Потом пришли ещё две женщины — Эллен Тейлор и Сара Хилл, — каждая по отдельному делу, и каждая так или иначе упомянула пятничные вечера. Эллен — вскользь, как будто это было неважно. Сара — вообще не словами, просто спросила, есть ли у него запасные ключи от второго этажа, и посмотрела при этом так, что он сказал «да» прежде, чем успел подумать.

Гарри посмотрел на стеллаж у стены.

Среди прочих папок там стояла одна, которую он достал неделю назад и с тех пор несколько раз перекладывал с места на место, не открывая: папка с документами на это здание за восемьдесят шестой год.

Восемьдесят шестой год.

Он оставил папку на месте и пошёл вниз — принять первых посетителей, подписать первые бумаги, сделать всё то, из чего состоял его день: аккуратный, предсказуемый, правильно оформленный день нотариуса в маленьком примор-

ском городе, где всё давно решено, всё давно записано и всё давно заверено печатью.

На лестнице он остановился.

Снизу, из-за закрытой двери архива, снова донёсся звук — не обогреватель на этот раз. Что-то другое. Тихое, металлическое, похожее на щелчок. Или на два щелчка подряд. Он постоял секунду, прислушиваясь. Тишина.

Он спустился.

Дверь архива была заперта, как и должна была быть. За окном туман стоял на месте. Море гудело — ровно, неостановимо, как всегда.

Гарри Мортимер открыл контору, сел за стол и стал ждать первого посетителя.

Пятница была через три дня.

Глава 2. Три женщины в тумане

Марджори Кертис пришла в понедельник, в десять утра.

Гарри услышал её ещё на лестнице: лёгкие, чуть замедленные шаги, пауза перед дверью — ровно секунда, не больше — и три удара, одинаковых по силе и интервалу, как будто отрепетированных заранее. Он успел подумать, что так стучат люди, привыкшие контролировать даже то, как они входят в чужое пространство, — и только потом сказал: «Войдите».

Она была в тёмно-синем жакете с высоким воротником,

несмотря на то что октябрь в Блэквуде бывает по-разному и этот пока был относительно мягким. Волосы убраны — безусловно, без единой выбившейся пряди. Запах лаванды и пудры вошёл вместе с ней и остался в комнате как ещё один присутствующий. Она улыбнулась ему улыбкой, которую Гарри за несколько лет научился читать как нейтральный сигнал: я здесь, я вежлива, я не скажу ничего лишнего.

— Мистер Мортимер. — Она опустилась на стул с той осторожной грацией, с которой садятся очень пожилые люди, не желающие, чтобы это было заметно. — Я по поводу завещания.

— Снова? — сказал он, не успев придержать интонацию.

— Небольшая правка, — сказала она, не реагируя на его тон. — Формулировка в третьем пункте. Я хочу уточнить.

Он открыл папку. Третье завещание Марджори Кертис было составлено два года назад — аккуратно, без лишних слов, с той юридической точностью, которая обычно свидетельствует либо о профессиональном прошлом, либо о долгом и тщательном обдумывании. У Марджори не было такого прошлого — во всяком случае, никакого юридического. Значит, она думала об этом долго. Очень долго.

— Третий пункт, — сказал он. — Недвижимость.

— Да. Я хочу добавить условие.

— Какое условие?

Она помолчала секунду — ровно столько, сколько нужно, чтобы выбрать слова.

— Что дом не может быть продан в течение пяти лет после моей смерти. Только передан по наследству.

Гарри записал. Это была законная просьба, ничего необычного — такие условия встречались. Но что-то в том, как она это сказала, — без объяснений, без той необязательной светской обёртки, которую люди обычно наматывают вокруг разговоров о собственной смерти, — заставило его поднять взгляд.

Марджори смотрела не на него — на стеллаж у стены, на тот ряд папок, среди которых стояла папка восемьдесят шестого года. Смотрела спокойно, без видимого интереса — так смотрят на стену или на пейзаж за окном. Но пальцы правой руки, лежавшей на колене, слегка сжались — почти незаметно — и разжались снова.

— Пятница на следующей неделе, — сказал он, возвращаясь к документу. — Вы придёте?

— Разумеется, — сказала она. И голос её не изменился ни на полутона.

Она ушла в десять двадцать две. Ровно столько, сколько нужно на один деловой визит.

Эллен Тейлор появилась во вторник, после обеда, без предупреждения.

Она не стучала — толкнула дверь, как толкают двери в помещениях, куда имеют право входить, и остановилась на пороге, окидывая комнату взглядом — быстрым, привычным,

профессиональным — прежде чем шагнуть внутрь. На ней было тёмно-серое пальто, короткая стрижка с сединой, никаких украшений. В левой руке она держала сигарету, которую уже не курила, но ещё не потушила — просто несла, как карандаш или ключи.

— Страховка, — сказала она вместо приветствия. — Хочу переоформить. Мне сказали, вы этим занимаетесь.

— Занимаюсь, — сказал Гарри. — Садитесь.

Она села — не с той осторожностью, что Марджори, а просто и сразу, как садится человек, которому некогда думать о том, как он выглядит. Положила нераскуренную сигарету на край его стола. Гарри посмотрел на неё. Эллен посмотрела на него.

— Я вас знаю, — сказала она. — Вы занимаетесь спиритизмом.

— Я веду кружок, — сказал он осторожно.

— Называйте как хотите. — Она пожала плечами. — Марджори говорила. И Сара. Я пришла из любопытства — профессионального. Я работала помощником coronera. Двадцать три года.

— Это имеет отношение к страховке? — спросил он.

— Нет, — сказала она. — Это имеет отношение к пятнице.

Она не улыбалась — не из невежливости, просто улыбка была для неё отдельным осознанным действием, совершаемым только по необходимости. Зато смотрела прямо, без той

фарфоровой дипломатии, которой пользовалась Марджори — взгляд оценивающий, почти клинический, привыкший смотреть на людей так же, как она когда-то смотрела на тела: внимательно и без иллюзий.

Пока он оформлял страховку, она дважды посмотрела на стеллаж — не так, как Марджори, не мельком и не случайно, а целенаправленно, как ищут что-то конкретное. Потом отвернулась и больше не смотрела.

— Восемьдесят шестой год, — сказала она, вставая, когда все бумаги были подписаны.

Гарри поднял голову.

— У вас на полке, — сказала она, кивнув в сторону стеллажа. — Одна папка выдвинута чуть больше других. Вы её недавно доставали.

Она взяла сигарету со стола, кивнула и вышла.

Гарри долго смотрел на закрытую дверь.

Сара Хилл пришла в среду, под вечер, когда за окнами уже начинало темнеть — рано, по-октябрьски, как будто день не закончился, а просто сдался.

Она была маленькой и двигалась так, как двигаются люди, давно привыкшие занимать как можно меньше места: осторожно, чуть бочком, с извиняющимся наклоном головы — когда-то жест вежливости, теперь просто часть осанки. Шаль — серая, с длинной бахромой — была намотана поверх пальто, хотя в конторе было тепло. Она перебирала ба-

хрому пальцами всё время, пока сидела напротив него, — не нервно, механически, как перебирают чётки или скручивают нитку: руки должны быть заняты.

Гарри подумал, что уже слышал это — про руки. Утром в понедельник, у окна, с кружкой кофе.

— Я просто зашла, — сказала Сара.

— Хорошо, — сказал он.

Они помолчали. За окном туман сгущался — не быстро, постепенно, будто кто-то медленно опускал матовое стекло между городом и остатками дневного света. Гарри ждал. За тридцать лет он научился — клиенты часто приходили с одним, а говорили о другом, и между тем, зачем пришли, и тем, что хотели сказать, всегда было молчание, которое нужно выдержать.

— Она была старше меня на четыре года, — сказала Сара.

— Дороти. Моя сестра.

Гарри не сразу понял, о ком она. Потом понял — и ничего не сказал.

— Я иногда думаю, что она хочет мне что-то сообщить, — продолжала Сара, глядя куда-то в сторону, мимо него, как будто обращалась не к нему, а к кому-то, кто стоял чуть левее. — Не потому что я верю в такое. Просто — иногда думаю.

— Именно поэтому приходите в пятницу? — тихо спросил он.

Она посмотрела на него — наконец прямо, впервые за

весь разговор — и в её взгляде было что-то такое, что Гарри не смог сразу назвать. Не надежда, нет. Что-то старше надежды и тяжелее.

— Мне нужно знать, где она, — сказала Сара. — Просто знать.

Она ушла, когда совсем стемнело. Гарри остался за столом и долго не зажигал свет — сидел в темнеющей комнате, слушал море и думал о трёх женщинах, которые за три дня пришли к нему по трём разным причинам и все три посмотрели на один и тот же стеллаж.

Потом встал, подошёл к полке и вынул папку восемьдесят шестого года.

На этот раз открыл.

Глава 3. Первый сеанс

Они собрались в пятницу в половине восьмого.

Гарри поднялся на второй этаж за двадцать минут — расставил свечи, придвинул стулья к чертёжному столу, положил доску в центр. Доска была старой — тёмное дерево, буквы выжжены аккуратно, почти каллиграфически, по кругу, в середине — глаз, который Элеонора когда-то обвела карандашом: краска в том месте почти стёрлась. Провёл по ней пальцем — привычно, как по корешку знакомой книги — и поставил в центр блюдце донышком вверх.

Комната на втором этаже была небольшой — четыре на

пять метров, одно окно, выходящее на гавань. Стены здесь были темнее, чем в остальных помещениях, — не от грязи, просто кирпич в этой части здания был другим, более пористым, впитавшим сырость двух столетий. Гарри всегда чувствовал здесь то, что не умел назвать точнее, чем плотность: воздух немного гуще, звуки немного тише, и даже пламя свечей горело иначе — ровнее, почти без колебаний, хотя сквозняки в старом здании были всегда.

Марджори пришла первой — появилась у двери за несколько минут до назначенного времени, безупречная, как всегда. Осмотрела комнату методично, без спешки, как проверяют, всё ли на месте в помещении, которое знал когда-то, — и села, не там, где стоял ближайший стул, а чуть дальше: спиной к стене, вся комната в поле зрения.

Эллен пришла через три минуты, пахнув холодным воздухом и табаком.

— Свечи, — сказала она, оглядев стол. — Значит, всерьёз.

— Всерьёз, — сказал Гарри.

— Ну-ну, — сказала Эллен и села напротив Марджори — демонстративно, как садится человек, который пришёл наблюдать, а не участвовать, и хочет, чтобы это было понятно.

Сара появилась последней — тихо, будто просочилась сквозь дверь, не открывая её полностью. Была бледнее, чем в среду, шаль намотана плотнее. Посмотрела на доску — один быстрый взгляд, — на свечи, на Гарри, и в этом взгляде была такая обнажённая, почти неприличная надежда, что он отвёл

глаза.

Они сели вчетвером вокруг стола.

За окном Блэквуд-он-Си лежал в темноте и тумане — тихий, почти несуществующий, как город на старой фотографии. Море гудело. Где-то внизу хлопнула дверь и затихла.

— Я объясню, как это работает, — сказал Гарри, — хотя, возможно, вы знаете лучше меня.

Никто не улыбнулся.

Он объяснил: четыре пальца на блюде — легко, не давить, — глаза лучше закрыть, думать о том, с кем хотите говорить, не торопиться, не интерпретировать, просто ждать. Почти слово в слово — так объясняла когда-то миссис Олджэм: спокойно, без театральности, как объясняют правила настольной игры взрослым людям, умеющим принять правила, не смеясь над ними.

Марджори положила пальцы на блюде первой. Сара — почти одновременно, будто только и ждала. Эллен помедлила секунды две, коротко выдохнула через нос и тоже положила. Гарри замкнул круг.

Тишина.

Не та тишина, которая бывает, когда просто молчат, — другая, более плотная: комната будто приняла решение не пропускать звуки снаружи. Гарри слышал собственное дыхание, слышал, как потрескивают свечи, слышал где-то далеко и глубоко неостановимый гул моря — и ничего больше.

Думал об Элеоноре.

Не о болезни, не о последних месяцах — он запретил себе думать об этом, потому что это была не она, это было то, что с ней случилось, а она была другой: запахом кофе в семь утра, книгой на подлокотнике кресла, голосом, который говорил «послушай» перед каждым важным. Думал об этом голосе. Просил его ответить.

Блюдце не двигалось.

Пять минут. Десять. Эллиен открыла один глаз, посмотрела на Гарри с выражением человека, чьи подозрения постепенно подтверждаются, и снова закрыла — из вежливости, надо полагать, или из профессиональной привычки дожидаться окончательных результатов.

А потом блюдце дрогнуло.

Не сразу — сначала была вибрация, едва ощутимая, как будто под столом прошёл по рельсам далёкий поезд. Потом — движение: медленное, неуверенное, почти вопросительное. Блюдце поехало к буквам, остановилось, поехало снова.

Э.

Пауза.

Л.

Гарри почувствовал, как что-то сжалось у него в груди — не страх, что-то другое, острее и глубже страха.

Е.

Смотрел на доску, не в силах отвести взгляд — как не отводят взгляд от вещи, в реальность которой не верил, а она тем не менее происходит: прямо сейчас, при четырёх свиде-

телях, без возможности списать на случайность.

Н.

Четыре буквы. Её имя — почти.

Он хотел что-то сказать. Не успел.

Блюдце сделало едва заметное движение — не к следующей букве, а в сторону, будто что-то на долю секунды сместилось, изменилось, будто то, что управляло им, отвлеклось или задумалось или переменило намерение, — и остановилось на букве, которую никто не ждал.

Н.

Пауза.

Потом — ничего. Блюдце стояло на месте. Свечи горели.

Море гудело.

Гарри поднял взгляд.

Марджори сидела совершенно прямо, глаза открыты, лицо абсолютно неподвижно — но в этой неподвижности не было спокойствия, было что-то другое, что-то, что бывает, когда человек изо всех сил держит лицо, потому что если отпустит — случится что-то непоправимое.

Эллен смотрела на доску. Её профессиональный скептицизм исчез — просто исчез, как исчезает выражение с лица человека, когда он видит нечто, которое не вписывается ни в одну из известных ему категорий.

Сара не смотрела на доску.

Сара смотрела в угол комнаты — в тёмный угол за спиной Гарри, туда, куда не доставал свет свечей, — и губы её

беззвучно двигались. Она произносила что-то — без звука, одними губами — и то, что она произносила, было, судя по артикуляции, одним словом. Одним именем.

Гарри обернулся.

В углу не было никого.

Только темнота — обычная, плотная темнота старого здания — и запах, появившийся неизвестно когда: тина, йод, что-то гнилостно-сладкое, почти неуловимое, будто кто-то на секунду открыл окно, выходящее не на гавань, а на солончаки, и сразу закрыл.

Он посмотрел на окно.

Оно было закрыто.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ НАРУШЕННЫЙ ШОВ

Глава 4. Игла

В субботу утром Гарри проснулся раньше обычного — не от звука, просто открыл глаза в темноте и сразу понял, что больше не заснёт.

Повторял её про себя — не словом, просто образом: то скольжение блюда вбок, та пауза перед остановкой — и не мог решить, что это было. Случайность — рука дрогнула, угол наклона стола, элементарная физика. Или не случайность. Или что-то среднее, для чего не было юридического

термина, а значит, и слова.

Встал, оделся, спустился на кухню, сварил кофе — привычные движения, привычный запах — сел за стол и открыл блокнот.

Написал: ЭЛЕН — N. Посмотрел. Зачеркнул, написал рядом: NEEDLE. Посмотрел ещё раз. Закрыв блокнот, убрал в карман.

За окном начинало светать — медленно, нехотя, будто свет сомневался, стоит ли.

Думал о трёх женщинах.

О том, как Марджори сидела прямо и держала лицо — с такой силой, с таким напряжением в каждой мышце, что это само по себе было ответом на вопрос, который он ещё не успел задать. О том, как Эллен смотрела на доску — не скептически, не иронически, а с выражением человека, обнаружившего в знакомом тексте фразу, которой там не должно быть, — а она там есть, чёрным по белому. О Саре — о её беззвучно движущихся губах, о том углу, куда она смотрела, о том имени, которое она произносила без звука.

Он не спросил, что это было за имя. Нужно было — и не спросил, потому что в той комнате было что-то, что делало любой вопрос неуместным, почти бестактным, как вопрос на похоронах в самую неподходящую минуту.

Гарри открыл ноутбук.

Он не привык искать ответы в интернете — для этого существовали книги, архивы, люди, знающие больше и готовые

говорить. Но сейчас было раннее субботнее утро, и он напечатал в строке поиска три слова: Блэквуд Болотный Портной.

Результатов оказалось немного — старый городок, старое дело, старая пресса. Несколько строк в региональной хронике за август восемьдесят шестого. Краткое упоминание в сборнике нераскрытых преступлений Йоркшира. Любительский сайт о криминальной истории севера Англии — текст написан плохо, факты перепутаны, но кое-что там было.

Три жертвы — молодые женщины от двадцати до двадцати восьми лет. Тела найдены на солончаках к северу от города: в августе, сентябре и октябре восемьдесят шестого. Характерная деталь, давшая убийце прозвище: губы жертв защищены грубой бечевой — стежки аккуратные, равномерные, как портновский шов. Следствие длилось восемь месяцев. Главный подозреваемый — некий Томас Клифф, местный житель — бесследно исчез в ноябре того же года, до предъявления обвинения. Дело закрыто в восемьдесят седьмом за отсутствием доказательной базы.

Третья жертва не была найдена.

Прочитал дважды. Закрыв ноутбук и долго сидел, глядя на поверхность кухонного стола — на царапину у правого края, которую знал наизусть: Элеонора однажды поставила туда горячую кастрюлю и потом долго расстраивалась.

Третья жертва не была найдена.

Сара Хилл сидела вчера вечером за этим же столом, смотрела в тёмный угол и беззвучно произносила губами имя. Её

сестра была старше на четыре года, звали её Дороти, и Дороти исчезла — когда? В восемьдесят шестом. В октябре восемьдесят шестого.

Открыл блокнот.

Написал: Дороти Хилл. Октябрь 1986. Подчеркнул. Ниже. Третья.

Поставил точку. Посмотрел на страницу.

За окном туман лежал на нижнем городе плотным белым слоем — сквозь него едва угадывались крыши складов, и ещё дальше, совсем смутно — тёмная горизонтальная полоса моря. С севера, едва ощутимо, тянуло чем-то — не запахом даже, просто намёком на запах: сырым, йодистым, чуть сладковатым.

Гарри встал, подошёл к окну и закрыл форточку.

Запах остался.

В то же утро, в семь сорок пять, Марджори Кертис стояла у окна своей гостиной и смотрела на Клифф-роуд.

Она не спала с половины второго.

Это случалось с ней — бессонница была старой знакомой, приходившей в определённые периоды с той же пунктуальностью, с какой она сама являлась на деловые встречи. Обычно умела с ней справляться: читала, молилась, перебирала список дел на следующий день — всё это помогало, создавало ощущение порядка, который был для неё не просто привычкой, а несущей конструкцией, на которой держалось

всё остальное.

Сегодня ночью не помогло ничего.

Она стояла у окна и смотрела на дорогу, уходящую вниз, к порту, — на мокрую брусчатку, на жёлтый конус фонаря, который в тумане расплывался в бесформатное пятно, на тёмный силуэт конторы внизу. Смотрела на это здание и думала о том, о чём не думала сорок лет — не потому что забыла, а потому что научилась не думать так же методично и тщательно, как научилась составлять завещания и держать спину прямо.

NEEDLE.

Пять букв. Блюдце двигалось уверенно — не так, как двигается блюдце под дрожащими руками испуганных людей, а иначе: целенаправленно, почти деловито, как будто то, что им управляло, знало, что хочет сказать, и говорило без лишних слов.

Она знала это слово.

Конечно, знала — оно было частью того, что она сорок лет держала под замком в той части себя, куда не заходила. Игла. Портновская игла. И запах — тот запах в комнате под конец, который она узнала мгновенно и который заставил её сжать пальцы на колене так, что ногти оставили на ладони четыре маленьких полумесяца.

Внизу, на Клифф-роуд, что-то мелькнуло.

Марджори прищурилась.

Ничего. Туман, фонарь, мокрая брусчатка. Просто туман.

Она отошла от окна, села в кресло и сложила руки на коленях. Посмотрела на часы — без пяти восемь. Часы шли точно, она проверяла их каждую неделю. Всё было на месте. Всё было как всегда.

Закрыла глаза и начала перебирать список дел на понедельник.

На третьем пункте остановилась.

Встала, подошла к секретеру, открыла нижний ящик — самый нижний, под стопкой рождественских открыток — и достала небольшую записную книжку в кожаном переплёте. Старую. Страницы пожелтели, кожа потрескалась по углам. Не открыла — просто держала, как держат вещь, которую нельзя выбросить и невозможно читать.

Потом убрала обратно. Задвинула ящик. Вернулась в кресло.

За окном туман стоял на месте.

Эллен Тейлор в то же утро сидела за кухонным столом с третьей чашкой кофе и старой папкой перед собой.

Папка была открыта.

Доставала её нечасто — два, может быть, три раза за последние двадцать лет — и каждый раз убирала обратно с тем же чувством: смотрела на что-то, от чего следовало отвести взгляд, но не отвела. Внутри были копии — не оригиналы, оригиналы остались в архиве коронерской службы, но она сняла копии в восемьдесят седьмом, когда дело закрывали:

инстинкт не позволил отпустить незакрытое дело без следа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.